

Россия как государство-цивилизация

В.Э. Багдасарян, доктор исторических наук

«Великие державы всегда вели себя как бандиты, а малые — как проститутки»: различие геополитической и геоэкономической реальностей

Со времен Леопольда фон Ранке, а может быть и раньше, пришло понимание того, что история развивается в конфликтогенном формате.

Сообразно с ранкеанским подходом, она представляет собой, прежде всего, конфликт государств. Если этого конфликта не будет, то можно констатировать конец истории.

Существует, очевидно, и геосистемное конфликтологическое преломление. Выражается оно феноменологически и через геополитику, и через геоэкономику. Не стоит, думаю, противопоставлять эти сферы, тем более говорить, что геополитическая эпоха заменяется эпохой геоэкономической. Это разные уровни единого геосистемного измерения. Экономика, так или иначе, решает проблему обеспечения материального потребления. Политика же в той или иной степени ориентирована на решение вопроса о власти. Соответственно, геоэкономика и геополитика, опираясь на единую геоплатформу, имеют различные функциональные ориентиры.

Вспоминается в этой связи фраза знаменитого американского режиссера Стэнли Кубрика: **«Великие державы всегда вели себя как бандиты, а малые — как проститутки»**. Таким образом, государство, не обладающее соответствующим силовым потенциалом, только торгует, и не более того. Если же государство позиционируется в качестве великой державы, то, как правило, не ограничивается торговлей, будучи

способным решать вопросы о власти. В этом, собственно, и состоит разница между геоэкономическим и геополитическим потенциалами. Далеко не все государства могут сегодня строить свою геоэкономiku и, тем более, совсем мало таких, которые способны к собственной геополитике.

Геоаксиология

Другие акценты дифференциации геоэкономики и геополитики предоставляет использование применительно к ним аксиологического подхода. Факторные иерархии общественного бытия варьируются в зависимости от цивилизационных типов. Для одних высшим иерархическим уровнем является экономическая сфера, для других — политическая, для третьих — возможно, культурная. В древнеиндийской мысли эти различия нашли отражение в учении о варнах, где культура соотносилась с онтологией брахманов, политика — кшатриев, экономика — вайшей. Современная, глобализованная цивилизация Запада — это цивилизация, прежде всего, экономическая. В основе ее архетип предпринимателя, шире — «делового человека». Различия в структурировании сфер общественного бытия в значительной степени определяются вариацией ценностных подходов к Гео (Земле). Для Америки земля — это, прежде всего, ресурс. Земля имплементируется в американской аксиологии в материальный интерес. Как следствие, на первый план в этой парадигме развития выходит геоэкономика. В Европе в ее классической (т. е. неамериканизированной) аксиологической модели восприятие земли исторически складывалось как отношение к собственности. Это связывалось со спецификой формирования европейской системы земледелия, а, соответственно, и землевладения. Феномен феода прекрасно иллюстрирует специфичность отношения к земле европейца. Земельная собственность давала власть. Соответственно, земля имплементируется здесь уже не столько в экономику, сколько в политику. На первый план в европейской аксиологической модели выходит геополитическая реальность. Образ

Антея, берущего силы у матушки-Земли, может быть в данном случае довольно уместен. Восток представляет третью модель геоаксиологии. Восприятие земли выстраивается как отношение к некоей сакральной категории. Реализуется установка адаптационного по отношению к ней бытия. Земля имплементируется в формирование специфического национального менталитета, самобытных традиций. Применительно к Востоку можно, таким образом, говорить о геокультурной парадигме аксиологии. Следовательно, выбор между парадигмами геоэкономики, геополитики и геокультуры определяется геоаксиологией и зависит от цивилизационного типа.

Геоанализ: земля как точка опоры

Другое соображение связано с задачей выявления исторических оснований выдвижения методологии рассмотрения общественных явлений через призму геоанализа. В чем состояли факторные мотивы перехода к дискурсу геополитических и геоэкономических категорий? Данное основание, вероятно, следует обнаруживать в кризисе познавательной модели секулярной науки. Она в своем развитии столкнулась с проблемой определения точки опоры гносеологических построений. Прежде такой точкой опоры был Бог. Теперь же, в связи с секуляризацией знаний, наука, казалось бы, лишилась фундамента. Выходом из методологического кризиса являлась попытка нахождения точки опоры в почве. Общественные науки обращаются к категории «гео». Прежняя религиозная система миростроительства выстраивалась как дихотомия небо — земля. Теперь же «небо» как высший ценностный идеал выносится за скобки гносеологического дискурса. Если посмотреть на феномен России через призму геоанализа, то — при условии соблюдения логической последовательности — наиболее приемлемой доктриной для нее окажется евразийство. При уходе от геоориентированности эта очевидность нивелируется. Сущность российского бытия при применении координат геоизмерения предстает в значительно деформированном виде — в отличие, к примеру,

от применения небо-центричной модели. Так, православие в одном случае будет выступать как парадигма российской цивилизации, в другом — как одна из ее производных.

Новое имперостроительство

И, наконец, вопрос об институциональном выражении перехода к новой реальности. Речь идет о кризисе института государства. Однако здесь необходима существенная поправка. Кризис поразил не саму государственность, а ту модель, которая сложилась в Европе, будучи закрепленной первоначально Вестфальским миром, а затем — Французской революцией. Идеологически она выражалась концептом государства-нации. Утвердившись в Европе, модель неоправданно экстраполировалась в дальнейшем на весь мир. Сегодня проявляется кризис именно этой экстраполяции.

Идея государства-нации вызрела на почве специфического территориально-племенного дробления раннесредневековой Европы. Имманентная связь ее с западническим цивилизационным контекстом очевидна. Доктрина национальной государственности имела для Запада интеграционные значения. В Западной Европе посредством нее уничтожались феодальные пережитки культурного автономизма. Вместо бретонцев, гасконцев, бургунцев, провансальцев и прочих этноплеменных идентификаторов утвердилась единая национальная идентичность — французы. В Северной Америке из пестрого этнического котла иммигрантов была сконструирована новая национально-государственническая общность — американцы. На настоящее время цивилизация Запада представлена двумя интегрированными образованиями — североамериканским и европейским.

Прямо противоположное — дезинтегрированное значение имело использование идеологемы политического самоопределения наций по отношению к иным типам цивилизаций. Для Востока (да и для довестфальского Запада) был характерен совершенно иной тип государственности. Границы великих

империй прошлого соотносились, по существу, с ареальным масштабом соответствующих цивилизаций. Вброс идеи национального самоопределения имел для общностей данного типа последствия энтропии. Государство-нация на Востоке противопоставлялось реально существующей системе государства-цивилизации. Был включен механизм цивилизационной дисперсии. В итоге, Запад сегодня политически интегрирован, Восток же находится в фазе государственнического распада.

Традиционная политическая форма государства-цивилизации — империя. Если государство-нация этнически гомогенно, то государство-империя имеет гетерогенные основания. Существовала империя, как некий силовой центр, вокруг которого находились различные буферные парагосударственные образования. Принципиально эта ситуация не отличается от имеющейся на сегодня ситуации с многочисленными квазисуверенными государствами. Есть некий цивилизационный центр, и есть цивилизационная периферия. При восходящей стадии развития государства-цивилизации осуществляется поглощение периферии, при его кризисе происходит сжатие имперских границ и, соответственно, возникают иллюзии суверенности буферных образований. Сейчас проект государства-нации провалился. На повестке стоит вопрос о восстановлении цивилизационных империй. Их формы организации будут, естественно, отличаться, в зависимости от особенностей цивилизационного бытия. Мир вступает в новую фазу — фазу имперостроительства. В том случае, если Россия, с подачи с Запада, будет придерживаться отжившего свой век концепта государства-нации, это обрекает ее на роль геополитического аутсайдера. Перед ней сегодня стоит дилемма между национальной регионализацией и новым цивилизационным восстановлением, с включением в свою орбиту суверенизированной периферии. Россия может состояться исключительно как государство-цивилизация, как государство-империя. В противном случае, не будет России.